

успаміны і мары людзей на знешніх носьбітах (напрыклад, камп'ютары). Такі спосаб захавання асобы дазваляе існаваць чалавеку ў прасторы віртуальнай рэальнасці з яе магчымасцю бясконцага паўтарэння аднаго моманту і незлічонай колькасцю варыянтаў правядзення адной хвіліны. У такім выпадку зноў губляецца каштоўнасць фізічнай абалонкі і, як вынік, разбураецца канцэпцыя разумення чалавека як адзінства цела і духу. З моманту існавання чалавека ў віртуальнай рэальнасці ён ператвараецца ў камбінацыю лічбаў, як і любая іншая інфармацыя. І наколькі ў такім выпадку каштоўнае чалавечае жыццё? Аўтар паказвае, што імкненне людзей да неўміручасці, і тым больш дасягненне яе (у любым выглядзе), вядзе да аб'яцэння самога жыцця. Магчымасць бясконцага ўзнаўлення чалавека, прынамсі яго свядомасці, ставіць пад сумненне нават каштоўнасць духоўнай значнасці асобы, бо тое, што не мае статус эксклюзіўнага, аўтаматычна пераходзіць у разрад серыйнага (копія, штамп).

Падсумоўваючы, адзначым, што Юрась Барысевіч у кнізе “Alter Nemo” ўзнімае складаныя экзістэнцыйныя праблемы, актуальныя ў сённяшнім свеце. Адною з найбольш сучасных і цікавых бачыцца праблема кланавання, разуменне якой у якасці перспектывы ўкаранення ў масавую практыку ў блізкай будучыні прыводзіць аўтара да ідэі пра антыгуманны характар гэтай з'явы. Ю. Барысевіч у эсэ “Сіліконовы век” пераканаўча даказвае думку аб каштоўнасці чалавека як сінтэзу матэрыяльнага і духоўнага з немагчымасцю шматразовага ўзнаўлення (кланавання).

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Барысевіч, Ю. Alter Nemo / Ю. Барысевіч. – СПб.: Невский Простор, 2002. – 136 с.

УДК 821.161:398(075.8)

АССОЦИАТИВНО-ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЙ ТИП МИФОФОЛЬКЛОРИЗМА В БЕЛОРУССКОМ ЖЕНСКОМ РАССКАЗЕ НАЧАЛА XXI ВЕКА

Р. М. Ковалева

*Белорусский государственный университет
Минск, Республика Беларусь
rmkovaleva@gmail.com*

На основе теории фольклоризма и творческого опыта авторов малой женской прозы начала XXI в., обеспокоенных опасностью отчуждения человека от природы и разрушения среды обитания, рассматриваются характерные черты ассоциативно-интертекстуального типа мифофольклоризма.

Ключевые слова: фольклоризм; мифофольклоризм; белорусское женское “письмо”; ассоциативно-интертекстуальный тип мифофольклоризма.

ASSOCIATIVE-INTERTEXTUAL TYPE OF MYTH-FOLKLORISM IN THE BELARUSIAN WOMEN'S STORY OF THE EARLY XXI CENTURY

R. M. Kavaliova

*Belarusian State University
Minsk, Republic of Belarus
rmkovaleva@gmail.com*

On the basis of the theory of folklorism and the creative experience of the authors of women's short story of the beginning of the 21st century. These authors concerned about the danger of human alienation from nature and destruction of the environment. The characteristic features of the associative-intertextual type of myth-folklorism is considered.

Key words: folklorism; myth-folklorism; belarusian women's story; associative-intertextual type of myth-folklorism.

Отдавая себе отчет, что для ряда ученых существование женского "письма" представляется проблематичным, мы всё же посчитали возможным избрать в качестве предмета исследования мифофольклорную топику белорусского женского рассказа начала XXI века и обратились к сборнику с четко обозначенной концепцией "Жанчыны выходзяць з-пад кантролю: Беларускае жаночае апавяданьне" (2007). Присутствие явных или завуалированных мифофольклорных элементов в повествовательной ткани рассказов варьируется в широких пределах, что может стать темой специального исследования. Понимая, насколько сложна теория мифофольклоризма и не разработана его типология, мы сфокусировались на конкретном, поддающемся идентификации типе, – *ассоциативно-интертекстуальном*. Выяснилось, что благодаря ему самые заурядные сюжеты и мотивы способны приобретать дополнительный (знаковый) смысл. Играет ли здесь роль то, что принято называть социально-психологическим, гендерным опытом авторов? Считается, что ответ на подобный вопрос относится к области исследовательских интерпретаций, которые могут содержать как положительное "да", так и категорическое "нет". Однако не приходится сомневаться в том, что в наше время, оборачивающееся "в полном соответствии с синергетической моделью... опасностью саморазрушения общества" и среды обитания [6, с. 198], женщины наиболее остро реагируют на энтропийные процессы в социуме и природе.

Согласно аннотации, в сборнике собраны лучшие женские рассказы 1991–2007 годов семнадцати авторов. Предисловие принадлежит Инне Кулей, представившейся обыкновенной читательницей. Возможно, отсюда традиционная *замілаванасць*, с какой принято говорить о своем, родном, близком, белорусском. В то же время имеет оправдание дважды повторенное ею слово *сапраўднае*. Полагаем, что к *настоящему* в данном сборнике относятся два момента: философски значимая мифотема природы и художественный стиль произведений. Он наглядно демонстрирует степень овладения малой женской прозой *современного литературного письма* с его установкой на сочетание условных и неореалистических форм изображения. Моделью их слияния служит ассоциативно-интертекстуальный тип мифофольклоризма, обеспечивающий нравственно-философскую глубину подтекста ряда рассказов.

Обобщающих исследований по проблеме мифофольклоризма отечественной литературы в белорусской науке практически не было, хотя ряд частных вопросов затрагивался в работах Е. А. Ленсу, М. А. Тычины, Е. А. Городницкого и др. Видимо, причина не столько в объемности фактического материала, сколько в слабой освещенности теории вопроса, препятствующей разработке типологии мифофольклоризма. Перспективность мифопоэтического исследовательского направления была объемно представлена, пожалуй, лишь в книге В. А. Коваленко "Міфа-паэтычныя матывы ў беларускай літаратуры" (1981). Правда, магистральная задача оставалась в ней традиционной – определение идейно-художественных функций использованного писателями фольклорно-мифологического материала. При этом фольклоризм и мифологизм рассматривались "як мастацкі прыём увасаблення агульначалавечых ідэй". Нетрудно заметить, что обычно их коррелятом служили гуманистически актуальные национальные идеи и ценности. Между тем за три года до книги В. А. Коваленко в России вышел сборник "Миф – фольклор – литература" (1978), симптоматичный довольно широким обращением авторов к зарубежной научной литературе, трудам отечественных семиотиков и новой постановкой методологических вопросов, касающихся исследования проблемы взаимодействия мифа и фольклора, мифа, фольклора и литературы. В нем И. П. Смирнов на конкретном материале очертил возможности мифопоэтического подхода, укрепившего к тому времени свои позиции в зарубежном литературоведении, заметив, что при этом вовсе не исключается параллельное использование к истолкованию художественных текстов других подходов. В заглавие своей статьи "Заметки о фольклоризме Блока" Г. А. Левинтон вынес термин, который, как и термин "мифофольклоризм", не был широко задействован в белорусской науке. Кстати, и сам В. А. Коваленко, подчеркнув отсутствие специальных

исследований, посвященных выяснению связей литературы с мифологическими образами, предпочитал говорить не о сути мифофольклоризма, а о процессе мифологизации, то есть об обращении литературы “да міфаў” и “фальклорнай спадчыны”. И всё же чрезвычайно важным представляется его замечание, брошенное как бы вскользь, что мифологические образы “дайшли да нас ці праз фальклор, ці ў чыстай, самастойнай, «закансервананай» форме”. Оно могло бы послужить платформой для легализации терминов “мифофольклоризм” и “мифофольклорема”, но этого не случилось, о чем свидетельствует следующий факт. Во втором томе энциклопедии “Беларускі фальклор”, изданной в 2006 году, широко представлен, за исключением вышеупомянутых, спектр терминов, производных от слова “миф”: *міфалагемы, міфалагізацыя, міфалагічная свядомасць, міфалагічны жанр, міфалагічныя вобразы, міфалогія, міфапаэтычныя матывы*. Их отсутствие на неопределенное время отодвигало постановку вопроса об изучении типов мифофольклоризма, выделение которых важно для понимания художественного мышления писателей и синхронии литературного процесса.

В возможности его решения нас убедило изучение типов литературного фольклоризма. В качестве классификационного принципа был избран характер художественного мышления авторов, обратившихся к фольклору. В результате были выделены три группы фольклоризма. Первая включала диаметрально противоположные типы, явившиеся результатом исторически обусловленных сдвигов в сознании авторов: органичный, структурно-информативный, бытийный. Вторая группа объединяла близкие, но всё же отличные друг от друга типы фольклоризма ментального плана: порождающий, рационалистический, трансформационный, конструктивный. К третьей группе мы отнесли типы фольклоризма чувственно-символического плана: стихийный, интуитивный, наивный, естественный, мистический (романтический). В процессе изучения конкретного материала выяснилось, что в ряде случаев фольклоризм соприкасается с мифофольклоризмом или сливается с ним [3, с. 114–122].

Стремясь выявить связи поэтики литературы с мифом и фольклором, современные ученые не всегда учитывают опыт предшественников, отмечавших опосредованные связи произведений с фольклором. Так, в частности, Г. А. Левинтон обнаружил, что некоторые писатели ориентируются не на традицию собственно фольклора, а на другой возможный “тип соотношений литературного текста с фольклором, определяемый не сознательным намерением автора, а самим текстом, языком и т. п. (такие определения, как «память жанра», «память языка», «архетип», достаточно ясно показывают, о чем идет речь)” [5, с. 172], что мы и наблюдаем в малой женской прозе белорусских авторов. Почему из сложного набора потенциально возможных типов мифофольклоризма Наталка Бабина, Ольга Бобкова и Вера Бурлак (Джэці) безотчетно выбирают ассоциативно-интертекстуальный, объясняется, на наш взгляд, женской картиной мира и женской нравственной позицией. В этой картине мира природа предстает в своей женской сущности – сильной, животворящей и слабой, требующей *мужской* защиты. Та роль, которую приобретает в их рассказах мотив ответственного брака, позволяет писательницам совместить ряд мыслей, обращенных к тайне мгновения, времени и вечности как основы женской субъективности, высветить философско-конструктивную идею бытия как единства двух начал – инь и ян. В рассказе Н. Бабиной “Шкельцы, шкельцы...” (2002) в преддверии возможной точки невозврата, перед которой символически оказывается душа живой природы, теряют свой смысл и вселенная Ф. Ницше с ее “вечным возвращением”, и миф о вечном возвращении, проанализированный М. Элиаде. При этом в нем нет ни одного ярко выраженного фольклорно-мифологического элемента и можно было бы посчитать вполне бытовым сюжет, если бы не значительность мифотемы и интертекстуального контекста. Несмотря на любовь мужа, не может прижиться в городе красавица Яня. Муж чувствует недоступную разумению его матери особенность жены: “Усё ейнае жыццё было як на далоні, але мне здавалася, што нешта таемнае праглядае з яе вачэй” [2, с. 10]. Это таинственное со свойственной ему поэтической глубиной очень точно обозначил Б. Пастернак: “Любить иных – тяжелый крест, // А ты прекрасна без извилин, // И прелести твоей секрет // Разгадке жизни равносильна”. Простота и таинственность Яни сродни тайне жизни и природы, а ее драма сродни драме Мавки из “Лесной песни” Леси Украинки. Обе вырваны из органичной для них среды, обе чувствительны к неестественности новой. Мавка слышит стоны колосьев, умирающих под серпом жнеца, а в ушах Яни – “агідная мэлёдыя гораду”. Обе свекрови не способны понять невесток. Временно слепым оказывается муж Яни, глаза которому открывает Лида: “Хіба ты не бачыў, што яе нельга адтуль вывозіць?” [2, с. 11]. Правда, чтобы окончательно прозреть, ему не потребовалось ослепнуть подобно Эдипу. Достаточно было понять и почувствовать

природу припадков жены, случившихся после вторых родов, “калі яна некуды ірвецца, б’ецца, крычыць” [2, с. 15], осознать ответственность любви и увидеть путь возвращения любимой к здоровью: “ехаць трэба. <...> таму, што кахаў жонку” [2, с. 19]. Хотя мифотема природы, интертекстуальные ассоциации и насыщенность мифосмыслом присутствуют в рассказе Н. Бабиной подспудно, образ Яни “обнаруживает сложную иерархию кодирующих структур” [4, с. 400]. В свою очередь образ мужа Яни, у которого внутренняя слепота физически зрячего человека уступает место душевному прозрению, проецируется как на прозревших литературных героев, так и на мифологически целокупный образ “виденья” – “зрячий глаз” и “слепота” [1, с. 152].

Возможность спасения из-под власти города с его искусственной средой как полосы отчуждения человека от природы невозможна для тех, кто, как Янина свекровь, утратил живую душу, но ее через много лет, уже в XXI веке, использует Ворон. Он, который “любіў дух гораду”, испытал ужас покушения на свою птичью жизнь. В Ворона “пацэліў цапком нейкі дурнаваты стары” [2, с. 40] – символическое воплощение деструктивного городского начала, лишённого национальной идеи. В рассказе Ольги Бобковой “Крумкач і Франка” (2002), как и в предыдущем, нет ничего необычного, хотя некоторые сюжетные ситуации, символические детали и ассоциации находятся на грани с чудесным. Это относится, например, к моменту, когда Ворон во время торжественной церемонии, происходящей в театре, усаживается на портрет императора, в чем можно усмотреть реализацию устойчивой мифологической семантики птицы как хтонического провидца, предвестника смерти. Символичны образы спасителей Ворона: худого мужчины, одного из тех, кто в 1863 году помогал повстанцам, и маленькой стойкой Франки, не пожелавшей вместе с другой сироткой “нерухома стаяць, увасабляючы анёлаў-ахоўнікаў свайго імператара” [2, с. 46]. Символичен финал рассказа, повествующий о возвращении Ворона к “вечным пристанкам” – свободной земле и небесам в их безбрежности и нераздельности.

Когда в конце 70-х гг. прошлого века Мишель Фуко убедительно показал основополагающее значение для биополитики таких присущих всем живущим феноменов, как здоровье, гигиена, рождаемость, продолжительность жизни, потомство [7, с. 405], в свете его идей стало видно, что традиционная проблема литературной антропологии – “даследаванне мастацкай канцэпцыі чалавека ў гісторыка-культурнай дынаміцы” [8, с. 29] требует более глубокой разработки. Одной из первостепенных задач нам представляется исследование экогуманистической концепции личности. Для анализируемых произведений малой женской прозы характерна диалектика *инь* и *ян*, когда сильное мужское начало служит защитой дающему новую жизнь *женскому*. Как правило, в них присутствует положительный мужской образ или даже собирательный, как в рассказе Веры Бурлак “Язьмінчыны Калядкі”, где легкая, изящная фантазмагоричность событий, отсылающая к поэтике Н. В. Гоголя и Я. Борщевского, густо замешана на конструктивизме приемов. При осязаемой ориентации писательницы на фольклор его переосмысление потребовало от автора введения дополнительного образа, оправдывающего тотальное беспамятство персонажей. Ирреальная “Схаваная Дзеўка з двума малаткамі”, лишающая памяти одинокую колядницу Язьминку и всех приглашенных ею по ходу колядования гостей, – оригинальная авторская мифологема. Сама Язьминка, “якая адна жыла ў лесе” [2, с. 114], предстает как эстетически воплощенный архетип первозданной природы, Девы-Матери, впервые вступающей в священный брак. В этом смысле “растительное” имя Язьминки пополняет ряд растительных девичьих имен, известных, в частности, по купальским балладам. При всей символике имен Рожи (розы) и Цихони (фиалки) эти девушки всего лишь знаковые ритуальные фигуры Купалья, проецируемые на обрядовый жертвенный акт. Анекдотичная ситуация с препятыванием гостей Язьминки служит в рассказе Веры Бурлак ширмой ассоциативно-интертекстуального мифофольклоризма, в свете которого очевидно, что в любом из пришедших мужчин архетипически присутствует первозданный Юноша-Муж-Отец. Отсюда их дружный ответ на вопрос Язьминки, с кем все-таки она была колядной ночью: “Са мной” и готовность нести ответственность дальше, когда у Язьминки родилась дочка с говорящим именем Руня: “...ўсе мужчыны дружна абвясцілі сябе ейнымі бацькамі” [2, с. 124].

Таким образом, не имеет значения, о чем повествуют писательницы – об истории или сегодняшнем дне, разрисовывают или мифологизируют повседневность, значима в них согласная адресованность *понимающему читателю*. Этим, на наш взгляд, объясняется неосознанное обращение к ассоциативно-интертекстуальному типу мифофольклоризма. Однако же авторская ориентация на мифофольклорный и литературный материал настолько парадоксально не очевидна, что у читателя может возникнуть ложное впечатление о сугубо

бытовой приземленности произведений. Между тем к житнотекстам Яни, Франки, Язьминки, Руни и им подобным вполне приложимы слова философа и филолога Я. Голосовкера, сказанные, естественно, по другому поводу: “Есть жизни, которые таят в себе миф... Творения такой жизни суть только фазы, этапы самовоплощения мифа” [1, с. 9]. Иначе, как мифом Природы, его не назовешь. И точнее, чем Б. Пастернак, если воспользоваться его поэтическим сравнением, не определить единство данных художественных образов: их смысл, “как воздух, бескорыстен”. Отнюдь неслучаен в рассказах белорусских писательниц положительный образ мужчины. Только он не герой и воитель, а обычный человек, берущий на себя ответственность за сохранение органических основ бытия.

Всякое начало – зона сдвигов и повышенного внимания к ним со стороны исследователей. Актуальным пространством оказался литературный процесс конца XX – начала XXI века, ознаменовавшийся сочетанием модернистских, постмодернистских и неореалистических тенденций. Вопрос, в какой степени литературе этого времени свойствен фольклоризм, мифологизм, мифофольклоризм и в какой степени актуален “женский” взгляд на нравственно-философские проблемы времени, в белорусском литературоведении остается открытым. При том, что создание художественного произведения – интимный процесс, мы попробовали показать, что обращение ряда писательниц к ассоциативно-интертекстуальному типу мифофольклоризма выходит за пределы художественного мышления отдельной творческой личности и, таким образом, характеризует одну из эстетических тенденций белорусского женского “письма” рубежа веков.

Библиографические ссылки

1. Голосовкер, Я. Э. Имагинативный абсолют / Я. Э. Голосовкер. – М.: Академический Проект, 2012. – 318 с.
2. Жанчыны выходзяць з-пад кантролю: беларус. жаночае апавяданне / Н. Бабіна [і інш.]. – Мінск: І. П. Логвінаў, 2007. – 248 с.
3. Ковалева, Р. М. Интегративная фольклористика / Р. М. Ковалева, О. В. Приемко. – Минск: БГУ, 2017. – 239 с.
4. Лотман, Ю. М. Семиосфера / Ю. М. Лотман. – СПб.: “Искусство – СПб”, 2001. – 704 с.
5. Миф – фольклор – литература / АН СССР, ИРЛИ; отв. ред. В. Г. Базанов. – Л.: Наука, 1978. – 251 с.
6. Назаретян, А. П. Цивилизационные кризисы в контексте Универсальной истории: синергетика, психология и футурология / А. П. Назаретян. – М.: ПЕР СЭ, 2001. – 239 с.
7. Фуко, М. Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978 – 1979 учебном году / М. Фуко. – СПб.: Наука, 2010. – 448 с.
8. Чалавечае вымярэнне ў сучаснай беларускай літаратуры / М. А. Тычына [і інш.]. – Мінск: Беларус. навука, 2010. – 459 с.

УДК 821.161.3.09

ЭЛЕМЕНТЫ ЕЎРАПЕЙСКАГА РЫЦАРСКАГА РАМАНА Ў ТВОРАХ Л. ДАЙНЕКІ «МЕЧ КНЯЗЯ ВЯЧКІ» І «НАЗАВІ СЫНА КАНСТАНЦІНАМ»

Т. А. Лаўрык

*Нацыянальная бібліятэка Беларусі
Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт
Мінск, Рэспубліка Беларусь
lauryk_tania@mail.ru*

У артыкуле разглядаюцца элементы еўрапейскага рыцарскага рамана, адлюстраваныя ў творах Леаніда Дайнекі «Меч князя Вячкі» і «Назаві сына Канстанцінам». Аўтар артыкула вызначае адпаведнасць «Назаві сына